

свѣтскаго общества и народа времени крѣпостного права. Самъ Толстой по этому поводу говорить въ послѣсловіи къ своему произведенію: „Характеръ времени, какъ мнѣ выражали нѣкоторые читатели...недостаточно опредѣленъ въ моемъ сочиненіи“; 1) подъ характеромъ времени, читатели понимали ужасы крѣпостного права и требовали отъ автора изображенія этихъ ужасовъ. На это Толстой возражаетъ: „Есть характеръ времени, какъ и характеръ каждой эпохи, вытекающій изъ большей отчужденности высшаго круга отъ другихъ сословій изъ царствовавшей философіи, изъ особенностей воспитанія... И этотъ характеръ я старался, сколько умѣлъ, выразить“¹⁾.

Подобно тому, какъ, по словамъ Маркса, „въ древнемъ Римѣ классовая борьба разыгрывалась внутри привилегированнаго меньшинства“, а „огромная масса производителей—рабовъ служила только пьедесталомъ этой борьбы“, такъ и въ „Войнѣ и Мирѣ“: борьба страстей, вся сложная утонченная жизнь мученій совѣсти, исканій правды разыгрывается только въ верхахъ, крѣпостной же народъ служитъ пьедесталомъ, или пушечнымъ мясомъ,—*chair à saup*, какъ выражаются аристократы „Войны и Мира“—для благородныхъ страстей и безкорыстнаго патріотизма. Толща пьедестала плохо передаетъ страданія народныхъ низовъ, которыя и не отражаются на верхахъ: „Въ Петербургѣ въ это время (нашествіе Наполеона М. Л.) въ высшихъ кругахъ... жизнь шла по-старому; изъ-за хода этой жизни надо было дѣлать большія усилія, чтобы сознать опасность и то трудное положеніе, въ которомъ находился русскій народъ“²⁾ Почти то же и въ Москвѣ среди рядового дворянства: „давно такъ не веселились въ Москвѣ, какъ этотъ годъ“³⁾.

Но каковъ тотъ пьедесталъ, на которомъ возвышается утонченная жизнь верховъ; что собой представляетъ народъ? На войнѣ мы съ нимъ уже встрѣчались какъ со стихійной, „роевой“ силой, что же онъ такое въ мирное время? Выступаетъ ли въ немъ то же разнообразіе и богатство характеровъ, которымъ отличается свѣтскій кругъ?

Нѣтъ. Отдѣльныя лица изъ народа утопаютъ въ морѣ народной массы, ихъ индивидуальныя черты отступаютъ на задній планъ и сливаются въ одно коллективное лицо, выраженіе котораго очень трудно разобрать: „Всѣ глаза смотрѣли на нее (на княжну Марью М. Л.) съ одинаковымъ выраженіемъ, значеніе котораго она не могла понять. Было ли это любопытство, преданность, благодар-

1) „В. и М.“ Т. IV стр. 424.

2) „В. и М.“ Т. IV стр. 5.

3) Ibid. Т. III стр. 216.